

**Машина Судного дня.
Откровения разработчика
плана ядерной войны**

Дэниел Эллсберг рассказывает об опасности и безрассудстве ядерной политики, которую США проводят уже более 70 лет. Он впервые раскрывает детали американской ядерной программы 1960-х гг., которая предполагала превентивный удар по СССР.

Вы узнаете все о хаосе в среде военного командования США: от ситуации на самых удаленных авиабазах в тихоокеанском регионе, где право на принятие решения об использовании ядерного оружия передается с одного уровня командования на другой, до секретных планов всеобщей ядерной войны, которая привела бы к уничтожению всего человечества.

Дэниел Эллсберг

МАШИНА СУДНОГО ДНЯ

ОТКРОВЕНИЯ РАЗРАБОТЧИКА
ПЛАНА ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 327
Э 47

Daniel Ellsberg
THE DUMSDAY MACHINE
Confessions of a Nuclear War Planner

Эллсберг, Дэниел

Э 47 Машина Судного дня: Откровения разработчика плана ядерной войны / Дэниел Эллсберг. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 611 с.

ISBN 978-966-370-747-1

Дэниел Эллсберг рассказывает об опасности и безрассудстве ядерной политики, которую США проводят уже более 70 лет. Он впервые раскрывает детали американской ядерной программы 1960-х гг., которая предполагала превентивный удар по СССР.

Вы узнаете все о хаосе в среде военного командования США: от ситуации на самых удаленных авиабазах в тихоокеанском регионе, где право на принятие решения об использовании ядерного оружия передается с одного уровня командования на другой, до секретных планов всеобщей ядерной войны, которая привела бы к уничтожению всего человечества.

ISBN 978-966-370-747-1

УДК 327

Copyright © Daniell Ellsberg, 2017.
© Издательский дом «Сварог», 2023.

Пролог

Весной 1961 г., когда мне только-только исполнилось 30 лет, я узнал, как может выглядеть конец нашего мира. Нет, не гибель Земли, не исчезновение человечества с лица планеты (как я ошибочно тогда полагал), а уничтожение большинства городов и населения Северного полушария. Что мне удалось увидеть в офисе Белого дома, так это один-единственный листок бумаги с простой диаграммой. На нем красовалась шапка «Совершенно секретно – чувствительная информация», а под ней значилось: «Лично президенту».

Пометка «лично» означала, что, по идее, документ должен прочитать только тот, кому он прямо адресован, т.е. президент в данном случае. На практике, однако, его читают также секретари и помощники, но это мизер по сравнению с десятками, а то и сотнями людей, которые обычно видят совершенно секретный документ, даже когда на нем есть надпись «чувствительная информация», предполагающая особый контроль по бюрократическим или политическим соображениям.

Позднее в период работы в Пентагоне в качестве специального помощника в штате министра обороны мне не раз доводилось читать телеграммы и меморандумы, адресованные лично кому-то, хотя я и не был адресатом. В то время для меня, как для консультанта Министерства обороны, знакомство с совершенно секретными документами было обычным делом, но информацию с пометкой «Лично президенту» я видел в первый и последний раз.

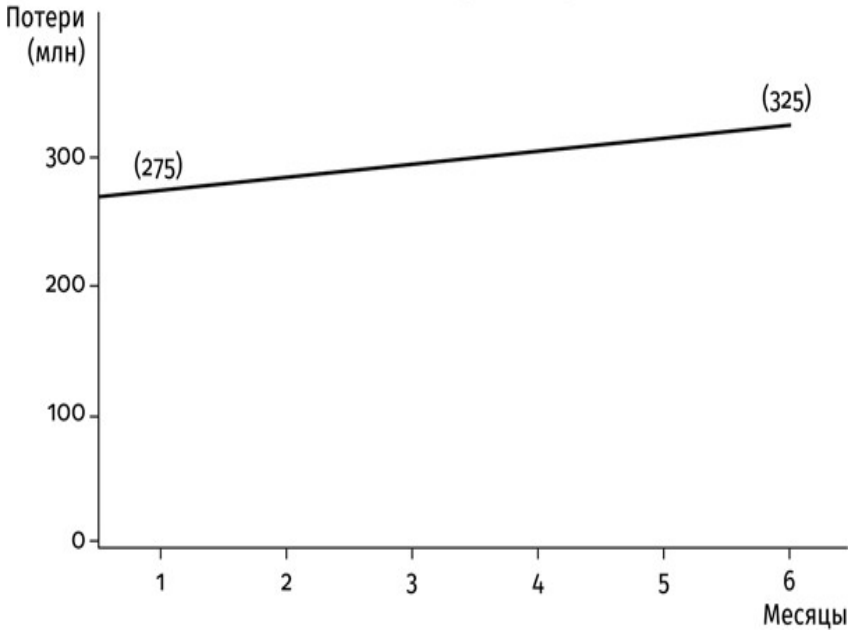
Ее показал мне мой друг и коллега Боб Комер, занимавший тогда пост заместителя советника президента по вопросам национальной безопасности. По титульному листу я понял, что это был ответ на вопрос, который президент Кеннеди адресовал Объединенному комитету начальников штабов (JCS) неделю назад. Комер сделал это потому, что именно я сформулировал вопрос, который он от имени президента передал в комитет.

Вопрос выглядел так: «Если ваши планы всеобщей [ядерной] войны пойдут как задумывалось, сколько людей погибнет в Советском Союзе и Китае?»

Ответ был представлен в форме диаграммы. На вертикальной оси откладывались потери в миллионах, а на горизонтальной – время в месяцах. Диаграмма представляла собой прямую линию, которая начиналась на вертикальной оси в точке, обозначавшей предполагаемое количество жертв в течение нескольких часов после нашего удара, а затем шла вверх и достигала максимума через шесть месяцев – условного предела потерь в результате ранений и радиоактивного заражения. Диаграмма далее воспроизведена по памяти – такое забыть невозможно.

Наименьшее число жертв в левой части Диаграммы составляло 275 млн, а справа, через шесть месяцев, оно увеличивалось до 325 млн.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО — ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
Объединенный комитет начальников штабов
Лично президенту

Тем же утром я подготовил еще один вопрос, который предполагалось направить начальникам штабов за подписью президента. В нем запрашивались данные о глобальных потерях от наших ударов, не только в советско-китайском блоке, но и в других странах, которые должны пострадать в результате выпадения радиоактивных осадков. И вновь ответ не заставил себя ждать. Комер показал его мне примерно через неделю. На этот раз в документе приводилась таблица с пояснениями.

В соответствии с прогнозом в Восточной Европе в сумме должны были погибнуть еще 100 млн человек. Радиоактивное заражение могло погубить 100 млн человек и в Западной Европе в зависимости от направления ветра (по большому счету все определялось временем года). Так или иначе, независимо от времени года ожидалась гибель не менее 100 млн человек в нейтральных странах вблизи границ советского блока и Китая: в Финляндии, Австрии, Афганистане, Индии, Японии и др. Радиоактивное заражение после ядерных ударов по укрытиям для советских подводных лодок в Ленинграде должно было, например, полностью опустошить Финляндию.

Суммарные потери от первого американского удара по Советскому Союзу и странам Варшавского договора, а также по Китаю Объединенный комитет оценивал примерно в 600 млн человек. Это сотня холокостов.

Я хорошо помню чувства, захлестнувшие меня при виде этого листка бумаги с диаграммой. Я думал: «Такому листу бумаги не место на Земле. Он не должен был появиться на свет. Не в Америке. Нигде, никогда. Это картина самого большого зла за всю историю человечества. На Земле не должно произойти ничего такого, о чем в нем говорится».

Один из основных ожидаемых эффектов этого плана – отчасти желательный, отчасти (в союзных и нейтральных странах, а также в странах-сателлитах) нежелательный, но предсказуемый и приемлемый – так называемый «сопутствующий урон» был подытожен на втором листке бумаги, который я увидел неделю спустя весной 1961 г.: уничтожение более полумиллиарда человек.

С того дня главной целью моей жизни стало предотвращение реализации подобных планов.

Введение

На протяжении тех двух лет, когда я находился под обвинением в копировании совершенно секретных документов Пентагона, двух последующих лет, когда велось расследование Уотергейтского дела, а потом еще более 40 лет один вопрос так и не был предан огласке. В нашей команде защиты во время разбирательства в курсе дела, кроме меня, был лишь мой главный поверенный Леонард Боудин. Ни его помощники, ни мой соответчик Тони Руссо, ни моя жена Патриша ничего не знали об этом.

Во время судебного процесса в Лос-Анджелесе репортеры, в том числе и Питер Шрэг, писавший книгу об этом деле, неоднократно спрашивали меня: «Как долго вы копировали документы? Сколько времени на это ушло?» Я неизменно уходил от ответа и менял тему. Откровенное признание показало бы, что так много времени на копирование одних лишь документов Пентагона не требуется, и неизбежно привело бы к вопросу, на который мне не хотелось отвечать: «Что еще вы копировали?»

Дело в том, что с осени 1969 г. до момента моего ухода из корпорации RAND в августе 1970 г. я копировал все совершенно секретные документы, попадавшие в сейф моего офиса, а также документы из других сейфов (документы Пентагона объемом 7000 страниц – лишь часть снятых копий), общий объем скопированных документов составлял порядка 15 000 страниц. Копии делались в нескольких экземплярах. Я собирался раскрыть все, а не только документы Пентагона. Так вот, это самое намерение, а также характер других

скопированных документов и держались в тайне с момента копирования до настоящего времени.

Многие из этих документов^{1} имели отношение к Вьетнаму, включая совершенно секретную работу, которую я выполнял в конце 1968 г. – начале 1969 г. для Генри Киссинджера после того, как избранный, но еще не вступивший в должность президент Ричард Никсон назначил его советником по национальной безопасности. Однако по большей части то, что я скопировал (так называемые «другие документы Пентагона»), состояло из моих заметок и исследований, связанных с секретными планами ядерной войны, системами управления и контроля ядерных вооружений, а также с ядерными кризисами. Это были стенографические выдержки и копии критически важных документов, прошлые планы ведения войны (ни один из них уже не был текущим на тот момент), телеграммы и результаты исследований, выполненных мною и другими, включая некоторые исследования по ядерной политике^{2}, осуществленные персоналом возглавляемого Киссинджером Совета национальной безопасности.

Большинство людей слышали обо мне в последние 47 лет лишь в связи с публикацией результатов исследования процесса принятия решений руководством США во время войны во Вьетнаме, которые получили название «документы Пентагона». Возможно, они знают также, что я получил доступ к этому исследованию, поскольку помогал в его проведении, и что до этого я занимался планами эскалации Вьетнамской войны в Пентагоне, а позднее работал на Госдепартамент в Южном Вьетнаме.

Менее известно, что задолго до всего этого я работал в качестве консультанта от корпорации RAND в структуре национальной безопасности США по совершенно другим вопросам: ядерное сдерживание и предотвращение или, если это вообще возможно, ограничение ядерного конфликта

сверхдержав. Корпорация RAND – это некоммерческая организация, созданная в 1948 г. в основном для проведения закрытых исследований и аналитических изысканий в интересах военно-воздушных сил США.

Весной 1961 г. я подготовил проект секретного руководства^{3} по оперативному планированию в случае всеобщей ядерной войны, который министр обороны Роберт Макнамара распространил среди членов Объединенного комитета начальников штабов. В январе того же года я информировал Макджорджа Банди, только что вступившего в должность советника президента Кеннеди по национальной безопасности, о деталях и рисках существующей системы ядерного планирования. Именно после этого я получил в Белом доме доступ к упомянутой выше секретной оценке потерь от планировавшихся в то время ядерных ударов.

На протяжении следующего года я был единственным человеком, обслуживавшим сразу две рабочие группы, которые подчинялись Исполнительному комитету Совета национальной безопасности (СНБ) во время Карибского ракетного кризиса. Год спустя, перед тем, как стать штатным гражданским сотрудником Министерства обороны высшего уровня^{4}, я единолично выполнял межведомственное исследование прежних ядерных кризисов с участием США, включая кризис на Корейском полуострове, Карибский кризис, Берлинский кризис, кризис в Тайваньском проливе, Ливанский и Суэцкий кризисы, и имел доступ к документам с более высоким грифом, чем «совершенно секретно». В результате я стал обладателем практически уникальных на тот момент знаний о характере наших ядерных планов и операциях ядерных сил, ну и, конечно, об опасности, которую они представляли.

Итак, до сих пор почти никто не знал, что вскоре после начала копирования документов Пентагона и всего остального связанного с Вьетнамом из моих сейфов в корпорации

RAND (куда я вернулся по окончании работы во Вьетнаме) я решил, что значительно важнее обнародовать другие документы, относящиеся к ядерным вооружениям. Мне хотелось открыть глаза Конгрессу, моим согражданам и всему миру на угрозу, которую представляла американская ядерная политика в последнюю четверть века. Практически ни у кого из известных мне людей не было ни документов, сопоставимых с моими, ни тем более желания раскрывать масштабы существующих угроз. Документы, по моим представлениям, были принципиально важными для подтверждения реальности того, что иначе выглядело как простые домыслы.

Я рассказал о том, что собираюсь сделать^{15}}, лишь одному человеку. Это был Рэнди Келер, чей отказ от призыва на военную службу месяц назад послужил для меня толчком. Он должен был отправиться в тюрьму вскоре после нашего разговора в Сан-Франциско в ноябре 1969 г. Я хотел показать ему до того, как он окажется за решеткой, насколько важен его пример для меня, а кроме того, мне хотелось получить совет от него, как от антивоенного активиста.

Его оценка относительной важности информации о ядерном оружии и результатов исследования, связанного с Вьетнамской войной, (впоследствии получивших название «документы Пентагона») совпадала с моей. По существу, Келер призывал меня забыть о документах Пентагона. «Мы уже и так знаем о Вьетнаме все, что нужно, – говорил он. – Раскрытие новых фактов ничего не изменит. Из ваших слов следует, что вы – единственный, кто может предупредить мир об опасностях, которые несут наши ядерные планы. Именно этим вам надо заниматься».

Я ответил, что «согласен с такой оценкой, но бомбы рвутся сейчас во Вьетнаме. Если выложить все сразу, включая ядерные материалы, то пресса не обратит внимания на то, что касается Вьетнама. Думаю, сначала нужно сделать все,

что может приблизить конец войны. Ну а потом можно заняться ядерными откровениями».

В соответствии с этой тактикой я отделил заметки и документы, касавшиеся ядерных вооружений, от вьетнамских материалов и передал их моему брату Гарри на хранение в его доме в Хейстингс-он-Гудзон, округ Уэстчестер, штат Нью-Йорк.

На мой взгляд, это были самостоятельные группы документов, раскрывать которые следовало в два этапа – сначала вьетнамские материалы, а потом ядерные. Таким образом, получив в 1971 г. обвинение и четыре федеральных судебных запрета после публикации части документов Пентагона в 19 газетах, я отложил обнародование материалов по ядерному оружию до окончания судебного разбирательства. Именно поэтому мне так не хотелось услышать вопрос «Что еще вы копировали?», который вынудил бы меня раскрыть документы по ядерному оружию до того, как вьетнамские материалы сделают свое дело.

Не исключено, что ждать пришлось бы до окончания намечавшегося второго разбирательства в связи с распространением документов Пентагона. Во время первого в Лос-Анджелесе меня и моего друга и «сообщника» Тони Руссо, помогавшего мне вначале, обвиняли главным образом в копировании и завладении документами. Одновременно в Бостоне было собрано отдельное закрытое большое жюри⁽⁶⁾ для расследования распространения и публикации документов Пентагона. Оно собиралось предъявить новое обвинение мне – Тони не имел отношения к более поздним этапам – и репортерам *New York Times* Нилу Шихану, Хедрику Смиту, а вместе с ними, возможно, и другим, с кем я поделился документами, включая Ноама Хомски, Говарда Зинна и Ричарда Фалька.

Я готовился к тому, что третье разбирательство – в связи с разглашением ядерных секретов – станет для меня роковым. Мне из него не выпутаться. Это реальный шанс для прокуроров дать мне пожизненный срок, и они наверняка не упустят его, если им не удастся добиться своего раньше.

Все обернулось иначе по довольно неожиданным причинам. После почти двухлетнего разбирательства, грозившего мне заключением на срок 115 лет, 12 пунктов первоначального обвинения были сняты без права повторного рассмотрения (иными словами, мне уже не могли предъявить их вновь), когда вскрылись противоправные действия Белого дома в процессе судебного преследования.

Как оказалось, президента Никсона проинформировали¹⁷⁾ о том, что помимо документов Пентагона я скопировал еще кое-какие материалы Совета национальной безопасности. Он, по всей видимости, испугался, что я могу раскрыть и документально подтвердить его негласные угрозы Северному Вьетнаму расширить военные действия, вплоть до применения ядерного оружия. Чтобы не допустить обнародования этих угроз – которые уже привели к продлению войны на два года, распространению военных действий на Камбоджу и Лаос, а также пополнили список погибших во Вьетнаме американцев на 20 000 человек, – с подачи Никсона был принят целый ряд противоправных действий, призванных заткнуть мне рот.

Эти действия – включая несанкционированное прослушивание, проникновение в офис моего бывшего психоаналитика в поисках материалов для шантажа, незаконное использование ЦРУ и неудачную попытку «полностью лишить меня дееспособности», – когда они всплыли, сыграли немалую роль в объявлении импичмента Никсону, который привел к его отставке и прекращению военных действий девять месяцев спустя. Они также подмочили аргументы второго обвинения в распространении документов Пентагона, в результате

чего большое жюри в Бостоне было распущено, а разбирательство прекращено.

Так или иначе, это не Белый дом и не его противоправные действия¹⁸³ не дали мне представить миру в середине 1970-х гг. тысячи страниц заметок и документов о грозящем нам ядерном холокосте, которые были скопированы в RAND. Причиной стало стихийное бедствие – тропический ураган. Моя жена Патриша называет его посланием небес, поскольку, хотя он и разрушил мои планы и поверг меня в отчаяние, позволил мне остаться на свободе и провести следующие 40 лет рядом с любимым человеком, а не за тюремной решеткой.

После того, как я передал документы по ядерному оружию Гарри, он хранил их на протяжении почти двух лет до 13 июня 1971 г. в подвале своего дома в Хейстингс-он-Гудзон, где жил вместе со своей женой Софией. Затем, когда газетам *New York Times* и *Washington Post* запретили публиковать материалы, а меня и Патришу объявили в розыск, Гарри спрятал коробку с документами, упакованную в зеленый мешок для мусора, в компостной куче на заднем дворе.

В течение следующих 13 дней¹⁹¹, пока ФБР разыскивало нас, мы с помощью друзей и группы антивоенных активистов (я называл их про себя «Бандой с Лавендер-Хилл» – в честь фильма с Алеком Гиннессом в главной роли) передали копии вьетнамских материалов еще 17 газетам. Гарри тем временем перепрятал документы, и не зря. На следующий день сосед рассказал ему, что видел, как люди в штатском исследовали компостную кучу в его дворе с помощью длинных металлических прутьев.

На этот раз Гарри спрятал коробку в пластиковом мешке на городской свалке. Он выкопал яму в откосе мусорной кучи у грунтовой дороги, идущей вокруг свалки. Чуть выше этого места на склоне кучи лежала старая газовая плита, ориентируясь на которую можно было найти документы.

Тем летом, однако, вскоре после того, как мне предъявили обвинение, на Хейстингс-он-Гудзон обрушился ураган (тропический циклон «Дория»). Откос мусорной кучи размыло, он расплзся по дороге и по склону за ней. Плита откатилась на полсотни метров от своего прежнего места. Гарри не сказал мне, что произошло, и еще несколько недель пытался отыскать потерянную коробку. Он со своей приятельницей Барбарой Денайер и ее мужем проводил в поисках выходные за выходными. Они даже наняли бульдозер-экскаватор, чтобы переворачивать мусор. (У водителя, муниципального служащего, потом были неприятности, когда выяснилось, что он позволил использовать бульдозер в частных целях. Барбара сказала ему, что они ищут случайно выброшенную рукопись диссертации.)

Они, конечно, нашли зеленый мусорный мешок, да не один – на свалке их счет шел, наверное, на тысячи, – но секретные документы так и не отыскивали. Муж Барбары вскоре отказался от поисков, в конечном счете сдался и Гарри, но Барбара, иногда вместе с дочерью, продолжала раскопки чуть ли не год.

Я в то время находился под судом и не слишком задумывался о результатах поисков. Героические усилия Гарри поддерживали во мне надежду на то, что в конце концов сокровища найдутся. Надежда теплилась почти до самого конца разбирательства, когда Гарри сообщил, что значительную часть мусора со свалки вывезли для захоронения в котловане строящегося по соседству кондоминиума и вот-вот залиют бетоном. Теперь, как он выразился, продолжить поиски без динамита не удастся. Это была горькая шутка – документы исчезли безвозвратно.

С тех пор прошло 45 лет, но большинство из того, что я спрятал, по-прежнему остается секретом. То, что не удалось вытащить на свет с помощью экскаватора и динамита,

так и пролежало в сейфах полвека, даже несмотря на Закон о свободе информации. Вместе с тем немало из потерянного было рассекречено, особенно в последние 32 года в результате запросов в соответствии с Законом о свободе информации и настойчивых обращений Уильяма Бerra из неправительственной организации National Security Archive^[10] Университета Джорджа Вашингтона. Немалый вклад в этот процесс внес Фред Каплан, выпустив замечательную книгу «Творцы Армагеддона» (The Wizards of Armageddon, 1983), глубокое исследование современной секретной истории, в основу которого были положены интервью и иски о нарушении Закона о свободе информации. К настоящему времени опубликован достаточный объем материалов, подтверждающих приведенную ниже информацию.

Помимо прочего, я, пользуясь благами цифровой эпохи, разместил все свои документы, воспоминания и заметки, а также выдержки из этой книги на моем сайте ellsberg.net. С тем, что представлено в этой книге, тесно связаны десятки важных вопросов^[11], которые невозможно рассмотреть здесь, в частности обстоятельства и события, произошедшие после 1960-х гг. К целому ряду из них я обращаюсь на своем сайте и на других интернет-ресурсах.

Меморандумы и документы, которые упоминаются в этой книге, можно найти на моем сайте в разделе Doomsday. В их число входит все, что осталось в моем распоряжении со времен работы в корпорации RAND, в Пентагоне и во Вьетнаме в 1950-е и 1960-е гг., в том числе очень объемные папки по Карибскому ракетному кризису и кризису в Тайваньском проливе 1958 г., а также мои проекты руководства 1961 г. по планированию использования стратегических сил и средств и сопроводительные записки. Кроме того, к тексту постоянно добавляются примечания со ссылками на страницы изданий, для которых не хватило места в разделе «Примечания» этой

Содержание

Пролог.....	3
Введение	7

Часть I Бомба и я

Глава 1	
Как я мог?	30
Глава 2	
Управление и контроль	56
Глава 3	
Делегирование полномочий	94
Глава 4	
Ивакуни.....	109
Глава 5	
Тихоокеанское командование.....	118
Глава 6	
План ядерной войны	127
Глава 7	
Информационная справка для Банди.....	148
Глава 8	
«Мой» план войны.....	169
Глава 9	
Вопрос к Объединенному комитету	184
Глава 10	
Берлин и ракетный разрыв	208
Глава 11	
История двух выступлений	243

Глава 12	
Мой Карибский ракетный кризис	266

Глава 13	
Куба.....	285

Часть II

Дорога к концу света

Глава 14	
Бомбардировка городов	318

Глава 15	
Уничтожение городов огнем	348

Глава 16	
Уничтожение целой страны	374

Глава 17	
Риск апокалипсиса I	387

Глава 18	
Риск апокалипсиса II	403

Глава 19	
Парадокс Стрейнджлава.....	418

Глава 20	
Угроза первого использования	435

Глава 21	
Как ликвидировать машину Судного дня	472

Глоссарий	494
-----------------	-----

Благодарности	496
---------------------	-----

Об авторе	507
-----------------	-----

Сноски.....	508
-------------	-----

Комментарии.....	514
------------------	-----

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Дэниел Эллсберг

МАШИНА СУДНОГО ДНЯ

ОТКРОВЕНИЯ РАЗРАБОТЧИКА
ПЛАНА ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

(Російською мовою)

Підписано до друку 17.04.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 38,25. Тираж 300 прим.

Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

Зброя масового ураження та захист від неї. Навчальний посібник

Нове покоління російських війн

1991. Хроніка війни в Персидському заливі

[Перейти на сайт →](#)